

шая «национальную идентичность», управлять нашими страхами, создавая все новые мнимые опасности и направляя их в нужное им русло. Эта деятельность становится истинной целью властей, их способом легитимизации. Такие попытки легитимизации не стоит приписывать демократии. Напротив, это свидетельство отсутствия демократии: в таком обществе проходит все меньше демократических обсуждений, граждане теряют контроль над тем, что происходит в обществе, а дискуссия узурпируется правительством и экспертами, которые относятся к гражданам, как к инвалидам, воспринимая себя в качестве докторов, которые призваны вылечить их болезни. На самом же деле они лишь стремятся поддержать этот статус-кво, ведь тяжело больным всегда нужны хорошие доктора.

Наши так называемые «демократические государства» становятся все более олигархическими, они управляются ограниченной группой политиков, которые тесно связаны с представителями финансовой верхушки. Их власть работает за счет управления чувством опасности у граждан. **Современные страхи — это не столько иррациональные страхи масс, сколько страхи, порожденные властями.** Наши власти и интеллигенция с готовностью оперируют этими страхами. Успех ультраправых партий в нескольких европейских странах только подкрепляет это мнение: эти партии являются логичным итогом государственной политики. Государство культивирует чувство опасности у граждан, потому что оно стремится к тому, чтобы люди чувствовали себя беспомощными и в постоянной опасности. Ультраправые партии дают название и образы, олицетворяющие врагов безопасности. Опять-таки, к демократии это не имеет почти никакого отношения. Напротив, здесь мы имеем дело с фактическим отсутствием демократии.

Так что, **будьте уверены — олигархи все чаще будут «продавать» нам чувство опасности**, потому что оно очень дешево им обходится и приносит баснословные дивиденды. Средства массовой информации также идут в ногу со временем — они показывают нам то, чего нужно бояться, нередко приправляя все это острым соусом иррациональности, которую они не спешат развенчивать.

Однако разговоры о страхах как о рыночном товаре могут ввести нас в некоторое заблуждение. Нам нужно четко определиться, какие услуги оказывают нам наши власти. Например, улучшают ли они систему образования и создают ли они новые рабочие места, или же они работают над тем, чтобы бесперебойно снабжать нас все новыми страхами, тем самым увеличивая наше чувство опасности. Нам нужно понять, действуем ли мы как политически образованные граждане или же всего лишь как потребители фантазий власть предержащих. ■

Специально для РЖ

ВЛАСТЬ ИГРАЕТ С МАССОВЫМИ СТРАХАМИ

АНДРЕЙ ГРОМОВ — журналист, в прошлом — редактор отдела политики журнала «Эксперт», колумнист интернет-ресурса «Соль»

Специально для РЖ

Общественные страхи присущи любому обществу, как демократическому, так и тоталитарному. Демократия, в отличие от тоталитаризма, предполагает гораздо большую вовлеченность в общественный процесс. Страх перемен от этого, конечно, не исчезает, но у людей есть и чувство влияния на происходящее.

За последние годы демократические страны испытывали страх перед терроризмом, страх перед финансовым кризисом, страх перед мигрантами. И современное общество со всем справилось. Яркий пример — широкая общественная дискуссия, которая развернулась в европейских СМИ по поводу установки сканирующих устройств в аэропортах для борьбы с терроризмом. Результатом дискуссии стало то, что система сканирования во многих европейских странах так и не появилась. В России же никакой дискуссии не было. Просто установили сканеры, и люди стали проходить сквозь них, будто так и должно быть.

В то же время **в нынешней ситуации в России будет сложно инспирировать какой-то новый глобальный общественный страх. Разве что кто-то придумает гениальный или омерзительный политтехнологический ход**, в результате которого будет развиваться какой-то более опасный страх. Многое здесь зависит от власти. Ведь один из основных ее ресурсов, наравне с нефтью и газом, — это социальный

ресурс. Власть зависит от социума и поэтому должна играть с массовыми страхами, использовать их.

Время показало, что в России во многом инспирированным был страх терроризма. Конечно, звучали взрывы, но было и многое помимо этого. Этот страх стал одним из механизмов построения новой России. Сейчас страх терроризма почти ушел, и даже последние взрывы в метро не сильно его реанимировали.

В гораздо меньшей степени сейчас присутствует в России страх перед мигрантами. Новые мигранты с Кавказа не приезжают, и за последние два года даже где-то 30 процентов вернулись на родину. Страх перед мигрантами есть, но он не доминирует. Его можно раздуть, но в реальности он пока несильный.

В нашей ситуации отсутствия горизонтальных связей, сложившихся общественных институций, когда у людей очень мало твердых опор, внутренних идейных оснований, любые страхи — это очень опасно. Когда люди начинают массово бояться, это выглядит как единение, но на самом деле это еще большее разобщение. Подобное видимое объединение разрушает человека на личностном уровне, и он еще больше замыкается в свою отдельную жизнь, «я против всех», в напряжение и раздражение. У нас практически нигде нет пространства такой доброжелательности и спокойствия, как в Западной Европе. ■